

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

Кафедра консультативной психологии

**Результаты и достижения отечественной психологии военного
периода**

ДОКЛАД

студенток 3 курса 361 группы
направления 37.03.01 Психология
факультета психологии

АЛИЕВОЙ НАТАЛИИ САБИРОВНЫ
БАЖЕНОВЫ АНАСТАСИИ МАКСИМОВНЫ
РУТЧИК ЕКАТЕРИНЫ АНДРЕЕВНЫ

Преподаватель:
кандидат философских наук,
доцент по кафедре психологии
Фролова Светлана Владимировна

Саратов, 2019

Введение

Одной из современных тенденций разработки проблем истории психологии является внимание к практике работы психологов в годы Второй мировой войны. Примером могут служить не только отдельные исследовательские проекты российских, но и американских и германских ученых: В. А. Кольцовой, Ю. Н. Олейника, А. Р. и К. К. Джилджен, У Гётера, М. Аша, М. Визера и др. (Психологическая наука в России XX столетия..., 1997; Кольцова, Олейник, 2006; Gilgen et al., 1997; Geuter, 1988; Ash, 2002; Wieser; 2018) [1]

Великая Отечественная война кардинальным образом поменяла жизнь нашей страны. Все сферы жизнедеятельности общества был подчинены военным нуждам, и психологическая наука не стала исключением.

Переход психологии на военные рельсы означал полную концентрацию всех научных и исследовательских ресурсов на одной важной в тот период задаче – психологическом обеспечении практических нужд военного времени. Из этого следовали основные требования к психологической науке и ее разработкам: прикладная ориентированность, направленность на решение актуальных практических задач. Также, другим важным требованием являлось сокращение сроков исследований. Зачастую, именно от оперативности работы психологов и быстрого получения результатов их научных разработок зависела чья-то жизнь.

И, соответственно, от каждого психологического научного исследования в военные годы требовалась открытость и доступность результатов для широкого круга ученых и практических работников.

Все эти требования, в совокупности с ужасами военного времени, делали работу психолога значительно сложнее, нежели в мирное время и тем важнее для нас результаты их кропотливого и упорного труда, направленного на достижение так нужной для всей страны победы. Именно об этих результатах будет идти речь в нашей работе.

Результаты и достижения отечественной психологии военного периода

Одним из основных направлений деятельности психологов военных лет являлось их участие в работе по восстановлению утраченных или нарушенных психических функций в результате поражения мозга и периферической нервной системы как следствия военных травм.

Медицина хорошо знала о том, что функции непосредственно нарушенных участков мозга не восстанавливаются и что функции нарушенной периферической нервной системы восстанавливаются чрезвычайно медленно в результате прорастания центральных отрезков нерва на периферию. Поэтому особое внимание всегда уделялось восстановлению

функций путем викариата (т. е. перемещением их к другим, как правило, симметричным органам) и путем растормаживания функций там, где поражение участков нервной ткани вело к их временному торможению. Психологи же предложили еще один путь восстановления утраченных функций — путь их функциональной перестройки.

Еще в результате довоенных психофизиологических исследований было высказано предположение, что любая сложная функция (речь, письмо, счет и др.) на самом деле является сложной функциональной системой, основанной на совместной работе многих участков мозговой коры. Поражение одного участка коры мозга приводит к нарушению всех процессов, которые опираются на участие данной корковой зоны. Однако функциональная системность строения мозга и осуществление сложных видов психической деятельности приводит к тому, что разрушение различных участков мозга имеет следствием нарушение одной и той же функциональной системы (например, произвольного действия, речи или письма). В то же время, это нарушение каждый раз будет отличаться своеобразными особенностями и может быть компенсировано путем включения в осуществление нарушенной деятельности новых сохранных участков коры головного мозга. Именно на этом направлении восстановления нарушенных функциональных систем и сосредоточили свои усилия психологи.

Определяя роль и задачи психологов в клинической работе по восстановлению нарушенных функций, Лурия выделил следующие взаимосвязанные исследовательские задачи:

- установление влияния поражения того или иного участка мозга на структуру психических процессов;
- выявление факторов, определяющих нарушение отдельных психических функций;
- системное описание проявлений различных нарушений мозга.

Изучая общую клиническую картину и динамику психической деятельности человека, ее отклонения от нормы, психологи, по его мнению, «должны были оказать нейрохирургу и невропатологу помощь в определении места и распространенности поражения» [2] Соответствующие практические задачи включали: разработку методов диагностики локальных мозговых поражений или осложнений, вызванных ранениями, и рациональных, психологически обоснованных методик, приемов и упражнений по восстановлению нарушенных психических функций [3]. Основой работ по восстановлению утраченных функций путем направленного развития и перестройки функций коры головного мозга стали положения, выдвинутые и обоснованные психологами и психофизиологами еще в предвоенные годы:

1. Доказательство высокой «пластичности» нервной деятельности, выражающейся в ее способности перестраивать функциональную систему, компенсируя тот или иной дефект. Работы П.К. Анохина, Э.А. Асрияна, Н.А. Бернштейна и их сотрудников, выполненные в 30-е гг., конкретно раскрыли, в каких пределах может перестраиваться функция и какие физиологические условия необходимы для компенсирующих воздействий путем функциональной перестройки мозговых функций.

2. Обоснование принципа системной, а не локальной представленности психических функций в коре головного мозга. (Например, одни и те же задачи решаются различными способами и средствами). Чем более сложной является система, тем большую подвижность и изменчивость она проявляет. Бернштейн доказал, что одно и то же предметное рабочее действие (например, забивание гвоздя) почти никогда не осуществляется одной и той же группой мышц. Он разрабатывал новаторскую теорию построения движений.

3. Признание того, что любая сложная приспособительная функция мозга опирается на комплекс, констелляцию нейронных аппаратов и представляет собой, по мнению Анохина, целую функциональную систему. Ее участки (или звенья) расположены в различных частях организма и объединяются лишь при выполнении общей задачи. Эта функциональная система работает как своеобразное замкнутое целое, координируя работу отдельных органов.

4. Доказательство того, что при выключении определенного звена функциональной системы возможна не только элементарная перестройка внутри нее, но и замещение выпавшего мозгового звена другим, сохранным. Замещение принимает форму сложных межсистемных, полифункциональных компенсаций.

Опираясь на эти исходные положения, советские психологи в годы войны развернули широкий фронт работ по восстановлению утраченных в результате черепно-мозговых ранений самых разнообразных психических функций. Можно сказать, что фактически не осталось ни одного более или менее серьезного нарушения мозговой деятельности, применительно к которому не были бы выработаны соответствующие лечебно-восстановительные методики и процедуры. Доказательством тому является перечень нарушений, выделенный Лурией [4]:

1. Двигательные дефекты интеграции (различные парезы и нарушения тонуса и координации движений).

2. Дезинтеграция двигательных актов при поражениях высших уровней кортикальной организации (различные виды апраксий или нарушений структуры действий: разрушение пространственной и временной организации движения, внутреннего

кинестетического и условно-символического плана действия, нарушения предметного уровня организации движения).

3. Нарушение оптического гнозиса зрительного восприятия (разные формы оптической агнозии: литерализная (от слова литер, т. е. буква) оптическая и вербальная алексии, сужение поля зрительного восприятия).

4. Дефекты речевых функций (разные формы травматической афазии: нарушение артикулированной речи, четкого различения речевых звуков, константного смысла слов и спонтанного воспоминания речевых образцов, письма и чтения, понимания и продуцирования развернутой онематической речи, активных форм речевого мышления).

5. Нарушения активного мышления (деменция, изъяны спонтанного течения мысли).

Проблемами восстановительной и коррекционной работы в годы войны занимались также Б.Г. Ананьев, А.Ц. Пуни, Л. Ободан, и др. Психологи, возглавляемые А.Н. Леонтьевым и А.В.-Запорожцем, использовали для восстановления движений идеи Бернштейна о построении движений.

Анализ конкретных случаев восстановления нарушенных психонервных функций мозга в результате военной травмы содержится в целом ряде работ: монографиях, сборниках статей, отдельных статьях, диссертационных исследованиях, выполненных на материалах военного времени.

Одной из приоритетных в военной тематике была проблема личностных качеств бойца и командира.

Среди работ данного направления особый интерес представляет цикл военных и послевоенных исследований Б.М.Теплова, посвященный изучению личности военачальника. Проведение этой работы было продиктовано социальным заказом, осуществлялось ученым в нелегких условиях эвакуации, вдохновлялось его стремлением помочь своему народу в его борьбе. В то же время эта, казалось бы, сугубо практическая задача приобретает в работах Теплова глубоко фундаментальное звучание. Она решалась через обращение к таким ключевым проблемам психологии, как проблема общих умственных способностей и практического мышления. Сам Теплов отмечал, что указанная работа — попытка «исследования в области проблемы способностей. Но здесь речь идет об общих умственных способностях, о качествах ума, требуемых определенным видом практической деятельности» [5]. Ум полководца, согласно Теплову, представляет один из типичных примеров «практического ума». Поэтому изучение умственной работы полководца имеет, по мнению автора, не только

практический, но и научный интерес, является одним из оснований развития психологии мышления.

Работа выполнена на военно-историческом материале, в качестве источников использовались: литературные данные, показания самих изучаемых исторических персонажей, экспертное мнение других лиц. Объектом исследования стали полководцы разных времен и народов: М.И. Кутузов, А.В. Суворов, Петр Первый, Наполеон Бонапарт, К. Клаузевиц и др.

Теплов сделал следующие выводы. Во-первых, «интеллект у человека один, и едины основные механизмы мышления...». Во-вторых, критерием выделения разных форм мыслительной деятельности являются особенности решаемых задач, характер связи мышления с практикой. И теоретическое, и практическое мышление связаны с практикой, но «по-разному». В случае практического мышления эта связь «имеет более непосредственный характер. Работа практического ума непосредственно вплетена в практическую деятельность и подвергается ее непрерывному испытанию...» [5]. В-третьих, учитывая более высокую «ответственность» практического мышления за последствия принимаемых решений и более жесткие временные параметры его функционирования, Теплов отвергает мнение о превосходстве теоретического ума над практическим. Он пишет: «Нет ни малейшего основания считать работу практического ума более простой и элементарной, чем работу ума теоретического. Да и фактически высшие проявления человеческого ума мы наблюдаем в одинаковой мере и у великих практиков, и у великих теоретиков... Мало того. Если уж устанавливать градации деятельности по трудности и сложности требований, предъявляемых уму, то придется признать, что с точки зрения многообразия, а иногда и внутренней противоречивости интеллектуальных задач, а также жесткости условий, в которых протекает умственная работа, первые места должны занять высшие сферы практической деятельности» [5].

Таким образом, Теплов одним из первых обращается к рассмотрению особенностей практического интеллекта и определяет те ключевые моменты, которые и поныне используются в качестве теоретического основания при разработке указанной проблемы. Представляет интерес реконструированный Тепловым и опирающийся на основные принципы психографического исследования психологический портрет военачальника, включающий совокупность наиболее важных личностных качеств, которые являются профессионально значимыми, соответствующими специфике осуществляемой полководцем деятельности и в то же время обуславливают ее эффективность.

В годы войны в научных трудах психологов и в работах практиков рассматривался широкий круг личностных характерологических проявлений человека, что объяснялось практической важностью и

актуальностью этого вопроса в военное время. Предметом изучения были такие свойства характера, как патриотизм, «большевистская убежденность и принципиальность», отвага, мужество и героизм, активность и инициативность, дисциплинированность и выносливость. Именно эти качества в экстремальных военных условиях приобретали статус общественно - значимых (а для бойцов — одновременно и профессионально - значимых) свойств личности, играли особую роль в обеспечении эффективности боевой деятельности.

В общепсихологическом плане большой интерес представляли работы по изучению психогенезиса развития ощущения. В этом ряду необходимо упомянуть работы А.Н. Леонтьева, продолжавшего начатое в предвоенные годы изучение возникновения ощущения в филогенезе. В частности, в статье, специально посвященной этому вопросу, «К вопросу о генезисе чувствительности» [6], им обосновывается идея о возникновении чувствительности как способности элементарного ощущения, раскрывается, как в ходе эволюции происходит переход от недифференцированной чувствительности ко все более дифференцированной, вследствие чего и возникают дифференцированные ощущения. В работах, выполненных в этот период, предметом изучения являлись разные виды ощущений: слуховые, кожные, зрительные.

Фундаментальным трудом в области зрительных ощущений стала книга С.В. Кравкова «Глаз и его работа» [7]. В 1945 г. выходит третье издание этой книги, значительно переработанное, дополненное и исправленное. Кравков использовал тот новый материал, который был получен исследователями в данной области в годы войны и прежде всего при разработке проблем военной маскировки, гигиены освещения, световой и цветовой адаптации глаза к разным условиям освещения. Предметом его исследования является глаз, рассматриваемый целостно, комплексно, в единстве его строения и функций, на основе привлечения, анализа и обобщения данных, полученных специалистами разных дисциплин — математиками, офтальмологами, физиками, биофизиками, физиологами, психологами. Значительное место в книге отводится рассмотрению проблем световой чувствительности, цветного зрения, зрительной ориентации в пространстве и т. д.

Представляют интерес исследования, посвященные анализу взаимодействия различных органов чувств и видов чувствительности, среди них, в первую очередь, фундаментальный труд С.В. Кравкова «Взаимодействие органов чувств» [8]. Вышедшая в 1948 г., эта книга так же включала материалы, полученные автором в годы войны. В ней, в частности, вскрывается связь и взаимное воздействие органов чувств в процессе их функционирования. Автор, например, экспериментально доказывает, что

острота центрального зрения изменяется в результате воздействия продолжительного звукового раздражителя. Равно чувствительность глаза к свету повышается под влиянием определенных дозированных воздействиях вкусовых и обонятельных раздражителей. Связь цветовых ощущений со звуковыми рассматривалась и другими авторами [9].

Проблемы сознания, мышления, речи составляли ядро общепсихологических и психолого — педагогических исследований военных лет.

В научном творчестве С.Л. Рубинштейна, как и в предвоенный период, по-прежнему, основное место занимали проблемы строения сознания, его философско-психологического анализа. Концепция автора, отраженная в ряде его трудов, прежде всего, в фундаментальной работе «Основы общей психологии» [10], продолжает углубляться и развиваться им в годы войны. Находясь в блокадном Ленинграде в тяжелейших условиях зимы 1941-1942 гг., а затем в Москве, где он возглавил Институт психологии и кафедру, и отделение психологии Московского Государственного университета, Рубинштейн работает над вторым изданием «Основ» (опубликованы в 1946). Проблема сознания в его единстве с деятельностью выделяется им как ключевая проблема психологии. Автор обосновывает идею об объективной опосредованности сознания на основе раскрытия его связи с деятельностью и особенностями личности. Сознание, психика рассматриваются им не как нечто пассивное, созерцательное, рецептивное, а как процесс, как деятельность субъекта, реального индивида. Таким образом, Рубинштейн дал методолого-теоретическое обоснование деятельностного подхода к сознанию. Но это не означало отождествления им сознания и деятельности: он подчеркивал как различие, специфику указанных феноменов, так и их связь в процессе реальной жизнедеятельности субъекта.

Дальнейшее развитие в трудах Рубинштейна получает также генетический подход к исследованию сознания, психики на основе принципа единства субъекта и объекта. Сознание рассматривается в его динамике, усложнении, связанной с изменением форм активности субъекта, условий и характера его взаимодействия с действительностью.

Определяя строение сознания, Рубинштейн преодолевает интеллектуалистическую традицию и рассматривает его как единство отражения и отношения, знания и переживания. Им подчеркивается регуляторная функция сознания как высшего личностного образования, проявляющаяся в саморегуляции, управлении субъектом системой отношений и деятельности, то есть своей собственной активностью и своими психическими процессами. Указанные новаторские идеи в понимании сознания сыграли большую роль в развитии психологической науки, в них

было представлено «новое понимание предмета психологии и новая структура психологического знания. Принцип единства сознания и деятельности лег в основу построения психологии как системы» [11].

Изучение сознания и вообще психики человека на основе деятельностного подхода проводилась также в работах Б.Г. Ананьева, П.И. Зинченко, А.Н. Леонтьева, А.А. Смирнова, Б.М. Теплова и других ученых.

В работах А.Н. Леонтьева военных лет особое внимание уделялось исследованию генетического аспекта сознания, его развития в процессе филогенеза. Он продолжает углублять то направление исследований, которое осуществлялось им и работающей под его руководством группой сотрудников (Божович, Гальперин, Запорожец) в предвоенные годы. В частности, в ряде статей, посвященных проблемам сознательности учения [12;13], автор выдвигает и рассматривает вопросы, касающиеся структуры деятельности, значения и личностного смысла отражаемой человеком действительности, места и роли мотивов как побудителей деятельности и т. д. Раскрывая психологическую структуру деятельности, Леонтьев соотносит такие понятия, как «деятельность», «действие», «цель», «мотив» и т. д. В статье «К теории развития психики ребенка» Леонтьев ставит вопрос о движущих силах психического развития ребенка, в качестве которых им выделяются различные виды деятельности (внешней и внутренней), зависящие, в свою очередь, от реальных конкретных жизненных условий и обстоятельств. На каждом этапе развития человека существует, по мнению автора, «ведущая деятельность», как определенное, доминирующее на данной фазе отношение ребенка к действительности. Он выделяет критерии ведущей деятельности: во-первых, она является основанием для возникновения других новых видов деятельности, во-вторых, служит сферой формирования или перестройки частных психических процессов, в-третьих, оказывает наиболее сильное воздействие на развитие психологических характеристик личности ребенка на определенном этапе его онтогенеза. Соответственно, критерием перехода от одной стадии психического развития к другой, является изменение ведущего типа деятельности.

Динамика сознания ребенка, выражающаяся в изменении его мотивации, приводит к тому, что одни мотивы теряют свою побудительную силу, на смену им приходят новые мотивы, а это, в свою очередь, приводит к переосмыслению прежних действий, смене ведущих видов деятельности, и, в конечном итоге, к переходу на новые стадии. Такова, согласно Леонтьеву, общая картина и закономерность психического развития.

Идея развития деятельности ребенка как основания формирования его сознания реализуется Леонтьевым и при психологическом анализе детской игры как ведущей деятельности дошкольника [14]. На примере игры автор

анализирует соотношения личностного смысла и значения в деятельности, вскрывает их диалектику.

Серьезное внимание в годы войны уделялось освещению вопросов истории психологии и прежде всего отечественной психологической мысли. Интерес к своим корням и традициям при решении сложных теоретических и практических задач, с одной стороны, отражал общие патриотические чувства, переживаемые советскими людьми в годы Отечественной войны, с другой, являлся одним из важных условий активизации человеческого потенциала. Апелляция к историческому прошлому науки была также призвана консолидировать научное сообщество. К вопросам истории психологической мысли в это время обращаются многие известные ученые: Ананьев, Костюк, Рыбников, Смирнов, Теплов и другие. Характерно то, что вторая сессия АПН РСФСР (состоявшая 20-21 ноября 1944 г.) была специально посвящена самобытности и оригинальности русской психологии и педагогики. На ней наряду с докладами педагогов были заслушаны выступления психологов: Ананьева «Русская национальная психология и ее роль в мировой психологической науке», Рыбникова «Новаторские тенденции русской детской и педагогической психологии и их отражение за рубежом».

В тематике историко-психологических работ ведущее место занимал анализ научного творчества российских ученых — философов, педагогов, психологов, общественных деятелей: К.Д. Ушинского, И.М. Сеченова, Л.Н. Толстого, А.И. Герцена, А.И. Галича и др.

Знаменательно, что в один из самых тяжелых военных годов (1942) осуществляется переиздание книги Сеченова «Элементы мысли», а в стенах Московского университета обсуждаются вопросы о значении русской физиологической школы в мировой науке.

Важным направлением практической работы советских психологов в годы войны, особенно на первых ее этапах, являлась разработка рекомендаций по психологическим основам цвето-маскировки. В этой связи несомненный интерес представляет деятельность группы сотрудников отдела психологии Ленинградского Института мозга (А.И. Зотов, З.М. Беркенбит, Р.А. Каничева и др.) под руководством Ананьева. Перед ними стояла задача оперативной разработки рекомендаций для эффективного военного камуфляжа (путем маскировочного окрашивания) зданий Ленинграда с учетом тех особенностей зрительного восприятия, которые могут быть использованы для сокрытия или изменения образов зданий в восприятии вражеского наблюдателя. Была разработана специальная программа экспериментального исследования, и несмотря на его

трудоемкость и сложность, уже осенью 1941 г. — зимой 1941/42 гг. в соответствующие организации, были представлены научно обоснованные рекомендации по маскировке конкретных объектов (Кировский завод, Смольный, Адмиралтейство и т. д.).

Теоретическую основу исследования составила идея о том, что фактор цвета воспринимаемого объекта никогда не выступает изолированно от совокупности других факторов, таких как расстояние до объекта, угол его восприятия, насыщенность цвета и степень его смещения в сторону дополнительного к превалирующему цвета, различная вариативность восприятия того или иного цвета спектра. Кроме того, фактор цвета (в естественных условиях) зависит от влияния на зрение наблюдателя других качеств воспринимаемых объектов: формы, фактуры, величины, количества и расположения объектов в общей структуре воспринимаемого поля, т. е. топографии местности. Экспериментальная методика имитировала воздушное наблюдение летчика в полете за наземными объектами.

Была установлена различная контрастная вариативность для теплых и холодных цветов. Показано превалирующее влияние цветowych пятен больших размеров на меньшие, выявлены индуцирующие и реагирующие в этих условиях цвета. Доказано, что цвет фона следует считать индуцирующим, а цвет объекта — реагирующим на цвет фона. Продемонстрировано маскирующее значение серого цвета и показано, что красный цвет при малой насыщенности тоже может давать маскировочный эффект при правильном соотношении с фоном и другими цветовыми плоскостями и деталями объекта маскировки. Был составлен специальный атлас реально воспринимаемого цвета для различных углов зрения для всех цветов спектра [15].

Благодаря деятельности ленинградских психологов удалось, несмотря на 900 дневную блокаду Ленинграда и многочисленные его бомбардировки, сохранить от разрушения практически все высотные объекты города.

Итоги развития советской психологии в годы Великой Отечественной войны

В целом Великая Отечественная война явилась важным этапом в развитии советской психологии, оказала существенное воздействие на ее послевоенную историю.

Во-первых, именно в период 1941—1945 гг. психологи получили большой эмпирический материал, позволивший сразу после войны подготовить ряд фундаментальных работ обобщающего характера, что существенно обогатило психологическую науку.

Во-вторых, возрос статус психологии в обществе, что отразилось не только в создании и финансировании государством новых психологических

центров, институтов, учебных подразделений, координирующих органов, увеличении общего числа психологов, введении психологии как обязательного для изучения предмета в средней общеобразовательной школе, присуждении ряду психологов и психофизиологов правительственных наград и премий, но и в негласном снятии запрета на использование в некоторых случаях психодиагностических, в том числе и тестовых методик, а также на разработку отдельных проблем психотерапии, индивидуальной психологии, психологии труда и т. д. Другими словами, успехи психологической науки в значительной мере ослабили негативное отношение государственных и партийных чиновников к психологии как науке, а у самих психологов «сняли» комплекс страха за профессиональную принадлежность к психологическому сообществу и вины за просчеты педологического и психотехнического движения начала 30-х годов. Психология была реабилитирована в глазах общественности после разгромного Постановления 1936 г.

В-третьих, были заложены основы новых направлений психологии, таких как нейропсихология, военная психология; существенно углубились и интенсифицировались разработки в области психологии познания и педагогической психологии; после длительного перерыва был дан импульс для возрождения социальной психологии и психологии труда. Это существенно расширило отраслевую структуру психологии, а соответственно и укрепило ее позиции во взаимодействии с другими научными дисциплинами в целом.

В-четвертых, благодаря деятельности эвакуированных научных и учебных психологических учреждений в послевоенное время отмечается бурный рост региональных психологических лабораторий, учебных кафедр и формирование психологического сообщества в районах, где до войны психология не была развита.

Наконец, предъявив суровые и жесткие требования к психологическим подходам и теориям война явилась важным критерием их проверки на действенность, практичность, социальную лабильность. Это в немалой степени определило рост прикладных направлений психологии и в послевоенные годы.

Список использованной литературы:

1. Артемьева О. А. Исследовательская и практическая психология в России в периоды мировых войн XX века [Электронный ресурс] // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2019. № 1. URL: <http://journals.mosgu.ru/trudy/artide/view/942> (дата обращения: 29.04.2020)
2. Лурия А.Р. Советские психологи в годы Великой Отечественной войны // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1975. № 5. С. 757-759.
3. Лурия А.Р. Этапы пройденного пути. Научная биография. М.: Изд-во МГУ, 1982.
4. Лурия А.Р. Восстановление функций мозга после военной травмы. М., 1948.
5. Теплов Б.М. Избранные труды. Т.1. М., 1985.
6. Леонтьев А.Н. К вопросу о генезисе чувствительности // Сборник, посвященный 35-летию научной деятельности Д.Н. Узнадзе. Тбилиси, 1944.
7. Кравков СВ. Глаз и его работа. М.-Свердловск, 1945.
8. Кравков СВ. Взаимодействие органов чувств. М., 1948.
9. Драпкина СЕ. Влияние цветного освещения на различение длительности звука // Труды Института мозга. Т. ХУІІІ. Л., 1947.
10. Рубинштейн СЛ. Основы общей психологии. М., 1940.
11. Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В. Исторический контекст и современное звучание фундаментального труда С.Л. Рубинштейна // Послесловие к книге С.Л. Рубинштейна «Основы общей психологии» М., 1989.
12. Леонтьев А.Н. О некоторых психологических вопросах сознательности учения // Советская педагогика, 1946.
13. Леонтьев А.Н. Психология сознательности учения // Известия АПН РСФСР. 1947. Вып. 7.
14. Леонтьев А.Н. К вопросу о генезисе чувствительности // Сборник, посвященный 35-летию научной деятельности Д.Н. Узнадзе. Тбилиси, 1944.
15. Каничева Р.А., Ярмоленко А.В., Ленинградские психологи в годы войны // Психологический журнал. 1985. № 6. С. 3-7.
16. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. Под ред. А.В. Брушлинского. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 1997. 576 с.